

Тан Мор. Пир Атилы (1870)

С. И. Лиман

ЗА ТЫСЯЧИ МИЛЬ РАДИ ТЫСЯЧИ ФРАЗ: **необычное и привычное в дипломатических путешествиях** **Приска Панийского**

Дипломатия...Эпитет, с которым связаны ожидания, упования, надежды как тех, кто оглушён и изранен конфликтами, войнами, сражениями, так и тех, кто ещё не ощутил и совсем не жаждет ощутить их смертельную беспощадную хватку. За тысячи лет, в течение которых народы, армии, группы людей находили бесчисленные причины для столкновений друг с другом, точку или, по крайней мере, многоточие после кровавых обильных жатв обычно ставили служители и данники дипломатии. Ну а наиболее виртуозные из них, обнажая вместо оружия свой дар убеждения, нередко – подкупа, временами – шантажа, просто не доводили дело до войны. Не выпускали из запертого на их замки чулана безумную Косу Смерти.

Услуги таких дипломатов особенно важны. Не каждому дано это умение – укротить войну до её начала. Отвести её от границ своей страны. Заставить отступить, как напуганного зверя, освещённого и ослеплённого яркими языками огня.

Яркими *языками огня* у оскала насытившейся или ещё не настывшей войны умело играли уже дипломаты Древности. Уже тогда, собственно, и возникли эти самые желанные и волшебные термины – «дипломатия» и «дипломат». Слово «дипломатия» происходит от греческого слова *díplōma* (складывать; удваивать). Так в полисах Древней Греции называли сдвоенные навощённые дощечки из дерева (или бронзы) с соответствующими текстами. Эти дощечки играли роль верительных грамот, особых документов, которые подтверждали полномочия посланцев.

Уже тогда, в Древности, учёные выделяли две основные формы международных отношений: насильственные (война) и мирные (дипломатия). С тех пор повелось называть дипломатией один из способов реализации внешней политики государства. Она осуществлялась и существует

по сей день в форме официальной деятельности глав государств, правительств, специальных органов внешних сношений и дипломатов по защите интересов своих государств. Сейчас на земле этих государств насчитывается более двухсот, 197 из которых – признанные. Эти и ранее существовавшие государства не находятся в изоляции, они должны налаживать отношения друг с другом, то есть давать работу и простор для таланта дипломатов.

Уже первобытные племена не только воевали из-за нарушения границ кормовых территорий, но и выстраивали между собой более или менее устойчивые отношения, практическим выражением которых иногда становились договорённости о создании союзов племён. А в государствах Древнего Востока появляются отдельные службы и особые чиновники для ведения переговоров и установления отношений с другими державами. Их, как, например, чиновников государственной канцелярии по иностранным делам при дворе египетских фараонов, направляли гонцами за границу.

Нет сомнений: они не даром ели свой хлеб, и потому явно не их телами кормили нильских крокодилов. Ведь первым исторически документированным международным соглашением, например, стал «прекрасный договор» между египетским фараоном Рамсесом II с царём хеттов Хаттусили III. Он был заключён, согласно оценкам разных учёных, в период с 1296 по 1269 гг. до н. э. и содержал пакт о ненападении и обязательства взаимопомощи в случае нападения третьей стороны. Кто готовил его? Разумеется, профессионалы, а не дилетанты. Потому что только профессионалы могли так чётко продумать саму структуру текста из трёх частей: 1) введения или преамбулы, 2) текста договорных статей и 3) заключения – обращения к богам, клятв в соблюдении принятых обязательств и проклятий нарушителю договора.

Отметим сразу невероятную опасность профессии дипломата эпохи Древности. Далеко не сразу сложился один из главных принципов дипломатии – неприкосновенность послов. Дипломаты традиционно подвергались огромному риску и преодолевали большие расстояния, где каждая придорожная канава могла стать для них гостеприимной могилой. Но если даже послов щадила в пути судьба, природа или крепкий сон ленивых грабителей, эпитафию им могли прочесть и те, к кому они непосредственно направлялись. Например, в 492 г. до н. э. персидские послы Дария I прибыли в Грецию требовать от греков покорности, или, как выражались дипломатическим языком сами эти восточные вояжёры, «земли и воды». В ответ на это красноречие дипломатов в Спарте ответили со свойственной местным жителям лаконичностью: персидских послов бросили в колодец

со словами «там вы найдёте и землю, и воду». А в Афинах казнили не только персидских послов, но и переводчика за то, что он оскорбил греческий язык недостойными требованиями персов.

Уроки этики и риторики иногда оканчивались для дипломатов Древности именно так!

Больше везло тем дипломатам Древности, которые попадали не под меч, а под замок. Например, когда в 138 г. до. н. э. китайский император отправил посольство из 100 человек во главе с Чжань Цянем в далёкие «западные» земли. Посол должен был установить союз с племенем юэчжей против кочевников хунну. Чжань Цянь наколесил за 13 лет 14 тысяч км, установил дипломатические связи между Китаем и эллинистическими государствами Азии, но при этом дважды попадал к хунну в плен! В Китае этот дипломатический подвиг посчитали настолько большой удачей, что «рецидивист от дипломати» Чжань Цянь вошёл в число девяти важнейших чиновников Поднебесной.

Считается, что принцип неприкосновенности послов был известен в эпоху Древности и в Китае, и в Индии, и в Риме. Но всегда ли он соблюдался? Разумеется, не всегда. Лучше всего сдерживать ярость сограждан и политиков по отношению к послам враждебной страны удавалось во времена Римской республики. Древнеримская жреческая коллегия фециалов долгое время осуществляла функции внешних сношений. Без санкции фециалов даже не могли объявить войну или заключить мир. Было выработано особое фециальное право (*jus Fetiale*), в котором уже были прописаны первые черновые контуры международного права. Позднее в Римской республике функции внешних сношений перешли к Сенату. Сенат отправлял своих и принимал иноземных послов. Несомненное достижение Рима – выработка в этот особый права посольства (*jus legationis*). Такое право ко многому обязывало самих римлян. Во время Пунических войн римляне щадили карфагенских послов даже тогда, когда карфагеняне не очень стеснялись какими-либо обязательствами в отношении римских гонцов-дипломатов. Но чем могущественнее становилась Римская держава, тем больше подражала в строгости соблюдения дипломатической неприкосновенности тем самым карфагенянам. Чем длиннее руки, тем короче улыбка. Если она вообще уместна, когда стёрта с земли и из памяти даже столица прежнего опаснейшего врага!

Во времена Римской империи функции дипломатического ведомства от коллегии фециалов и Сената, сенатских посланников-легатов переходят к узкому кругу императорских чиновников, назначаемых самим венценосцем. Именно он, насколько хватало таланта, сосредотачивал в своих руках все нити дипломатических хитросплетений. Личную кан-

целярию императора по посольским делам, начиная с правления Клавдия (41–54 гг.) возглавлял секретарь, пользовавшийся его безграничным доверием.

Вот с таким внешнеполитическим ведомством и опытом Рим дошёл или, точнее, дохромал изуродованными кровоточащими ногами до трагического и «Длинного» V-го века. В этом «Длинном» веке *Orbis Romanus* предстаёт уже совсем не таким, каким оставил его Клавдий. Колоссальные изменения коснулись многих сфер его жизни, в том числе и границ – с 395 г. империя была разделена после смерти императора Феодосия между его сыновьями. Младший Гонорий получил западную её часть префектуры, а старший, Аркадий, восточную. Эти разделённые сиамские близнецы, израненные варварскими вторжениями, переживали труднейшие времена. В 410 г. Западная империя пережила клиническую смерть – вестготы Алариха ворвались в Рим и завалили «Вечный город» тысячами трупов его жителей. Что должны были чувствовать выжившие, но потрясённые современники, если Августин Блаженный дал исход своему негодованию в адрес не варваров, а римских язычников в следующих словах: «Ваши предки сделали войну ремеслом и поработили соседние народы Востока. Роскошь, мотовство и разврат были естественными последствиями римских побед. Праздность римлян была результатом переполнения рабами Италии. Не мы, не христиане, наполнили Италию рабами; не мы поставили их ниже животных».

Так ярко и проникновенно, по сути, встав на сторону варваров, описывал Августин в своём трактате «О граде Божьем» причины их побед и падения земного царства.

Ну а что же дипломаты Рима? Чем занимались они, пока император Гонорий забавы ради разводил в Равенне домашний птичник и о курочке с кличкой «Рона» (Рим на латыни женского рода) заботился гораздо больше, чем о ее тёзке-граде?

Дипломаты Западной империи страдали в массе своей таким же бессилием, как и их правители и их легионы. Однако 410 год, принесший Риму столько горя, подарил радость, по меньшей мере, одной семье. Гибель величия совпала с рождением таланта: причудливая игра Истории совершила интересный, хотя и неравнозначный обмен. 410 год, по наиболее распространённой версии, является годом рождения одного из наиболее выдающихся дипломатов – Приска Панийского. Он жил на стыке двух эпох – Древности и пропагандируемого Августином нового мира – Средневековья, а умер почти одновременно с падением Западной Римской империи – в 475 г. Редкое совпадение, не правда ли? Его жизнь, таким образом, совпала с финальным актом трагедии «Рим», и именно от него,

как оказалось, во многом зависело, повторит ли Византия судьбу своей Западной сестры-двойняшки.

Итак, Приск Панийский уже родился. Правда, ещё не родился известный английский дипломат и писатель XVI–XVII вв. Генри Уоттон, который высказался о своей профессии так: «Посол – честный человек, посланный лгать в другую страну для блага собственной». И уж, конечно, далеко было до того момента, когда будет брошено семя в чрево прапрапра...бабушки американского генерала и президента Дуайта Эйзенхауэра, который излился однажды в похожем духе: «Дипломат – это человек, которому много платят за то, чтобы он долго думал, прежде чем ничего не сказать».

Эти, а особенно второе высказывание не подходят для дипломата Приска Панийского, поскольку его сила как раз и заключалась в слове, профессионализм – в умении вести дипломатические переговоры, щедро рассыпая, наряду с подкупающих врагов золотом, сотни и тысячи спасительных для его страны фраз. В рамках данного доклада речь пойдёт о том, что же было необычного, а что привычного в дипломатических путешествиях Приска Панийского и как в этих путешествиях нашли своё отражение повседневные будни дипломатов его времени.

Своё имя Приск Панийский получил от небольшого городка Панийон (Panion) во Фракии, на северном побережье Мраморного моря. Семья была довольно богатой, и достаток отца позволил сыну получить отличное образование в школе риторики Константинополя. Столичный статус школы и дарования Приска позволили ему поступить на государственную службу. В этом качестве он неоднократно выполнял дипломатические поручения византийских императоров, хотя специальной дипломатической подготовки он не получил. И вот почему. Как верно отметил А. В. Пикин, автор недавно защищённой диссертации «Политические миссии церковных деятелей в системе посольского взаимодействия конца IV – первой четверти VI века», профессионального дипломатического корпуса позднеантичная посольская практика не знала, а при дворах не было специальных чиновников, которые бы осуществляли посольства. Эти реалии объясняют нам степень востребованности ромейских государственных служащих с отличной риторической и философской подготовкой.

На византийском императорском троне того времени восседал Феодосий II. Он правил почти полвека – с 401 по 450 г., но государственными делами занимался мало, доверив это приближённым и родне. Среди этих приближённых ко двору лиц был Максимин, член комиссии по составлению Кодекса Феодосия, который и пригласил к себе на службу Приска Панийского. Приск стал секретарём и наиболее приближённым советником Максимиана, по сути, его правой рукой. В талантах Приска

сомневаться не приходится — он был не только ответственным чиновником, а впоследствии искусным дипломатом, но и автором обширного письменного наследия — «Риторических упражнений» и «Византийской истории» в 8 книгах. Первая часть этой «Византийской истории» носит название «История готов» и, доведённая до 474 г., содержит в себе материал, который отражает ключевые политические события того времени и роль в них самого автора.

Приск за свою жизнь совершил несколько дипломатических путешествий. Он преодолел тысячи миль ради тысячи фраз. Первая такая дипломатическая поездка была совершена в 449 г. с Максиминем к правителю гуннов, знаменитому Атилле.

Год спустя, когда конь сбросил с себя во время охоты императора Феодосия II, а на престол вместо скончавшегося предшественника взошёл полководец Марциан, Приск был отправлен им в Рим. Византия всячески стремилась помешать заключению договора между Римской империей и франкским королём Хильдериком I. С сыном последнего от имени своего императора Приск и договаривался в обстановке повышенной секретности.

Дальше — больше. Новые года — новые миссии... Уже в 452 г. он участвовал в дипломатических вояжах Максимиана в Аравию, Египет, Сирию, дабы оградить надёжным миром с нубийцами южные границы империи. Кстати, мир был заключён, хотя и соблюдался недолго — смерть Максимиана развязала нубийцам руки.

Ещё одна, не вызывающая у исследователей сомнения дипломатическая миссия Приска Панийского — это переговоры в 456 г. с вассалом Византии — Колхидой. Эти переговоры Приск вёл в качестве ближайшего помощника своего нового патрона — магистра официий Евфимия.

Таким образом, за время своего дипломатического служения империи он посетил три части света, а итоги его деятельности во многом проясняют нам причины живучести Византийской империи. Во всяком случае в этом «Длинном Пятом веке».

Из всех дипломатических путешествий Приска Панийского первым и по порядковому номеру и по своему значению является его миссия 449 г. в ставку Атилы. Восточная Римская (Византийская) империя находилась тогда в своём обычном состоянии — то есть в трудном и опасном. Ей угрожали персы с востока, вандалы с запада, гунны с севера. И эта угроза с севера таила в себе наибольшую опасность. Гунны тогда были ещё более опасны, чем в те времена IV века, о которых писал Аммиан Марцелин. Их вождь Атила, правивший с 434 по 453 год, снискал славу самого могущественного правителя двух частей света того времени. По словам

Иордана он был «единственный в мире, ... достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров».

«Где ступил мой конь – там уж не расти траве!» – любил повторять Атила. Что слова эти не были пустой угрозой, подтверждали все предыдущие походы гуннов. Они уже вторгались в пределы Восточной империи в 441–442 и в 447 годах. Мишенью гуннских нашествий тогда стали дунайские провинции. Особенно пострадали от излишеств завоевателей Иллирик и Фракия. Гуннами было захвачено более 100 городов. Разгром в 447 г. совпал с сильным землетрясением, потрясшим тогда же Константинополь и теперь уже во всех смыслах слова. Деморализованную столицу Восточной империи, которую массово покидали жители, нужно было срочно спасать.

Спасением стал тяжёлый для Византии мир, заключённый в 448 г. Но разве мир с таким врагом как гунны мог надолго гарантировать Византии безмятежный покой? Повод к желанию Атилы нарушить мир давали и перебежчики, уходившие в империю из его огромных владений. Их обещали вернуть гуннам, только бы сохранить этот мир.

Чтобы оставить голодным шумное, прожорливое, привыкшее к падали вороньё, в Константинополе решили – отправить к Атиле посольство. А поскольку самую надёжную гарантию мира Византии мог дать не сам Атила, а его труп, император сотоварищи обеспокоились тем, как превратить первое во второе!

Созрел план убийства Атилы. Император Феодосий и его царедворцы понимали – сделать это по силам только кому-нибудь из приближённых гуннского правителя. Так в чьи же руки вложить смертельное оружие? Кому поручить исполнение планов константинопольского двора?

Выбор пал на посла Атилы в Константинополе Эдекона. Его уговорил на убийство Атилы евнух Хрисафий, игравший тогда при византийском дворе одну из ключевых ролей. Гот Эдекон, телохранитель Атилы, казался ему надёжнее, чем другой член посольской миссии, паннонец Орест (кстати, в будущем отец последнего императора Западной Римской Империи Ромула Августула). Но в Константинополе не знали тогда, что о заговоре на жизнь Атилы ему сообщит сам Эдекон!

Не знали ничего об этом заговоре лишь сами византийские послы. Они осуществляли то, что на языке современных разведок называется «дипломатическим прикрытием». По крайней мере, трудно поверить в то, что они захотели бы играть роль добровольных жертв. Ведь надеяться остаться в живых в лагере Атилы, погружённом в траур, было бы наивно. После смерти Атилы у каждого посла гунны убрали бы всё лишнее по линии от левого до правого плеча! Ну, или по-просту, обезглавили бы...

Трудно было Максимину дорваться мыслью до этой истины. Всё что он мог – это взять с собой толкового умного помощника. Им стал Приск Панийский. К тому времени в империи стало нормой включать в состав посольства для его успеха красноречивого оратора. Что Максимин не ошибся в выборе, скоро станет понятно всем.

И вот в начале лета 449 года (возможно, 448 г.) византийские и гуннские послы покинули Константинополь. Главные действующие лица этого посольства – Максимин, Приск Панийский, «двойной агент» гуннский гот Эдекон, переводчик посольства гунн Вигилла. При этом оба ромея ничего не знают о заговоре, а оба гунна знают¹. В гармонии неведения с ромеями пребывал ещё один гунн – писец Атили Орест, занимавшийся при гуннском дворе иностранными делами. Но он как-будто о чём-то догадывался. И чем дальше, тем отчётливее.

Пока навоз их лошадей, падая, грел дорогу, Приск Панийский вёл подробный дневник. Эти записи отражали не только все опасности и прелести путешествия, но и особенности быта, нравов, деятельности варварских народов. Если учесть, что сам Атила достиг в то время пика своего могущества, описание Приском Панийским его самого и его двора представляют собой наиболее подробный и ценный источник, которым впоследствии воспользовался Иордан.

Посольство везло не только письмо к Атиле, но и многочисленные подарки. Это была обычная для Древности практика «подарочной дипломатии», перешедшая, к слову, и в Средние века. Сам Приск Панийский хоть и был государственным чиновником, но об утверждении своей кандидатуры сенатом или императором ничего не сообщает. Однако ни при каких обстоятельствах нельзя считать его в посольстве сугубо частным лицом, решившим по-дружески прокатиться с Максиминим за казённый счёт.

Дипломатический дар Приска проявился уже в пути. В Сердике (нынешняя София) ромеи купили овец и быков, зарезали их и пригласили на обед Эдекона и его гуннов. Во время обычных застольных славословий ромеев – в адрес императора, а гуннов – в адрес Атили, гунны разобиделись на своих спутников и стали сердиться. По словам Приска, «мы перевели разговор на другой предмет и старались любезностью смягчить их гнев. Когда мы встали после обеда, Максимин почтил Эдекона и Ореста подарками, именно шёлковыми одеждами и индийскими камнями». Неплохой десерт для обеда с несдержанными во гневе варварами!

Именно тогда, судя по рассказу Приска, Орест в отсутствии других гуннов высказал Максиминому слова признательности за оказанную честь,

¹ Приск Панийский написал об этом в своей «Истории» так: «Максимин, ничего не знавший об их замысле, передал письмо императора».

поскольку в Константинополе на обеды и переговоры, где дарили подарки, приглашали Эдекона, а не Ореста. Ромеи сообщили об этом Вигиле, который ответил, что почести в Константинополе соответствовали рангу гостей, так как Эдекон – военачальник и к тому же гунн, а Орест – писец Атиллы. Откровенность, проявленная ромеями в беседе с Вигилой, могла быть тонкой дипломатической игрой – поссорить врагов ещё до прибытия к месту назначения.

Вигила передал разговор Эдекону и едва успокоил его гнев. Об этом он рассказал ромеям. Есть версия, высказанная позднее и самим Приском, что Эдекон уже в пути рассказал гуннам о заговоре, опасаясь, что завистливый Орест уже подозревает его в этом и донесёт Аттиле раньше его. По крайней мере, нервы были напряжены до предела не только у ромейских послов, и не им одним мерещилась возможная расправа.

Об этих расправах Аттилы послы встречали в пути напominания. Например, как пишет Приск, «прибыв в Наисс, мы нашли этот город лишённым населения, так как он был разрушен неприятелем. Мы остановились немного выше реки на чистом месте, так как весь берег был покрыт костями убитых на войне».

Переправившись через Истр на челноках-однодеревках, послы стали ожидать здесь позволения встретиться с Аттилой. К нему отправился Эдекон. Прибывшие гунны проводили ромеев в лагерь Аттилы, но вместо гуннского правителя с ними встретились Эдекон, Орест и один из влиятельных придворных Аттилы Скотта, бывавший два года назад в Константинополе в качестве посла.

Гунны озадачили ромеев вопросом: с какой целью те пожаловали сюда? При этом, чем больше ромеи озвучивали своё удивление, тем больше гунны проявляли свою настойчивость. «Наконец, мы сказали, – писал Приск, – что император приказал объяснить эту цель Аттиле, а не другим». И добавили после гневливой реплики Скотты, что «нет такого обычая относительно послов, чтобы они, не представившись лично тем, к кому посланы, посредством других лиц были допрашиваемы о цели посольства».

Это была неробкая попытка напомнить о правах послов тем, кто сам пользовался такими же правами в Константинополе.

Гунны уехали к Аттиле, но вскоре вернулись и уже без Эдекона. Вернулись, чтобы уже не удивить, а поразить послов. Они пересказали ромеям содержание их письма и инструкций, которые те считали пусть и безобидными, но секретными! Откуда их могли знать гунны? Этот вопрос теперь мучил и Максимиана и Приска даже после того, как им повелели удалиться, если им нечего больше прибавить.

Ларец тайн открывался просто – Аттила уже знал от Эдекона о заговоре, но не был уверен, посвящены ли в него сами ромейские послы.

Ромеям оказали единственную любезность – позволили остаться в лагере до утра. А утром в озарённом солнцем лагере сломленный унынием Максимин уже было отдал приказ отправляться в обратный путь, как вдруг на его пути к императорской опале смело встал Приск Панийский! Второй решил выполнить работу первого – и не промахнулся...

Приск недолго настраивал, словно музыкальный инструмент, своё умение вести дипломатическую беседу. Ровно столько, сколько понадобилось для того, чтобы взять с собой переводчика Рустикия и подойти к Скотте. Приск действовал наверняка – он пообещал осыпать Скотту дарами, если тот организует ему аудиенцию у Аттилы. От личных выгод Скотты Приск быстро перешёл к разговору о выгодах двух народов. И прибавил: влияние Скотты на Аттилу, о котором так многословно твердят все вокруг, проверяется именно в подобных обстоятельствах.

Приск говорил дипломатичным тоном, но Скотта ответил хоть и сердито, однако так, как хотел того Приск. Он бросил горделивую фразу о своём могуществе и, не выдержав испытания сомнениями хитрого ромейского посла, тотчас отправился доказывать это могущество. Конь и гордыня уже несли его к шатру Аттилы, в то время как Приск венулся к Максиминому, чтобы попытаться его ободрить.

И ободрил. Оживил. Окрылил. Заставил думать не о провале миссии, а о том, какими дарами тот сможет задобрить спесивого Скотту. Дары были в поклаже на лошадях, которые уже выходили с погонщиками из лагеря. Пришлось возвращать этот поезд, и делать это окриками, в которых звучала не тоска, а надежда.

Усиливая эту надежду Максимиана и понимая, что все надежды посла связаны теперь только с ним, Приск уже обсуждал с патроном план предстоящей встречи с Аттилой.

Встреча не увильнула от ромеев: Скотта добился аудиенции для них и, судя по тому, что вернулся он очень быстро, его влияние не противоречило сегодня и степени осведомлённости самого Аттилы, который уже знал – послы даже не догадываются о заговоре и они, по сути, преданы собственным двором.

И вот ромеи вступают в царский шатёр! Эта аудиенция и подарила миру и науке то описание Аттилы в зените его славы, которое оставил Приск. Он оказался единственным автором V века, который лично встречался с Аттилой и оставил описание о нём. Сам Приск во время аудиенции стоял на почтительном расстоянии, а к креслу, в котором восседал Аттила, приблизились Максимин и Вигила. Тот, кто ничего не знал

о заговоре и тот, кто не только знал о нём, но и надеялся привести его в исполнение.

Приплюснутый нос, «отвратительный» цвет кожи, маленькие глаза, низкий рост... Казалось всё в этом портрете Аттилы возражало против того исключительного положения, в которое поставил его беспощадный к империям Пятый век. Приск, как и Максимин, передавший Аттиле царские грамоты, разумеется, не предал значения, да и попросту не понял, почему правитель гуннов с угрозой сказал послу, что ромеев постигнет та же участь, какую они готовят ему.

Аттила почтил сердитым вниманием и Вигилу: обозвал его бесстыдным животным, однако тут же снизошёл до объяснения своих зоологических терминов. Он запретил послам являться к нему, пока не будут возвращены все перебежчики. Поскольку Вигила начал доказывать, что у ромеев не осталось перебежчиков, Аттила, «воспламеняясь гневом, ещё более ругал его и скриком говорил, что он посадил бы его на кол и предал бы на съедение птицам, если бы...»

Если бы не особые права посольств!

Впрочем, окончание фразы о правах посольства, воспроизведённой Приском особого значения для него уже, наверное, тогда не имела. Угрозы Аттилы Вигиле наверняка ввергли и его и Максимиана в состояние липкого страха. Но вот пожалел ли он в эту секунду о том, что аудиенция всё-таки состоялась, мы не знаем. Приск об этом не пишет, хотя ответ очевиден – сомнения у него появились, как холодный пот.

Тем значимее значение того, на что решился Приск.

Аттила фонтанировал речами, а не кровью! По крайней мере, пока. Он приказал Вигиле возвратиться в Константинополь и решить вопрос о выдаче всех гуннов, перебежавших к ромеям.

Аудиенция, в которой Вигила снискал больше внимания Аттилы, чем сам ромейский посол, подошла к быстрому концу. Максимиану правитель гуннов сказал, чтобы тот подождал в лагере, пока будет подготовлен письменный ответ императору и «потребовал подарков, которые мы и выдали».

А потом в своём шатре Приск и Максимин обсуждали с Вигилой прошедшую аудиенцию. Предметом разговоров в основном была истинная причина гнева Аттилы на Вигилу. Аттила уже знал о заговоре и о роли в нём Вигилы. В разгар беседы в шатёр Максимиана зашёл Эдекон. Он вывел Вигилу и приказал ему «привезти золота для раздачи тем, которые приступят к самому делу вмечте с ним».

Эдекону мало было рассказать Аттиле о заговоре. Следовало, как в современной криминальной практике, взять Вигилу с поличным, а заодно и сделать правителя гуннов обладателем сокровищ, которые никогда

не бывают лишними. 50 либр золота, по 327 с половиной граммов в каждой! Речь шла именно об этой цене. При этом, согласно озвученному людьми Аттилы распоряжению правителя, послам и Вигиле вменялось ничего не покупать в гуннских землях, кроме еды. Раз так, Вигила, возвращаясь из Константинополя, не сумел бы объяснить, зачем он везёт с собой столько золота.

Ловушка была расставлена. Оставалось ждать, когда Вигила изобличит себя и ромейский двор. Ну а тем, кто по мысли проницательного Аттилы был невиновен, уже незачем было доказывать своё неведение. Ромейские послы оставались в его лагере. Постигать гуннское гостеприимство, согласно распоряжению Аттилы, они должны были до возвращения брата Скотты Онигисия – второго человека в Гуннской державе. Онигисий со старшим сыном Аттилы Эллаком находился тогда в землях племени акациров.

Послы Константинополя в точности исполнили распоряжение Аттилы. Приск и Максимин то сопровождали Аттилу, который свернул лагерь, то, выполняя приказ гуннских проводников, двигались по другим дорогам без него. В сёдлах, челноках и на плотах они совершили, по собственному признанию Приска «длинный путь», преодолев «судоходные реки, из коих самыми большими после Истра были Дрекон, Тигас и Тифесас». Месторасположение данных гидронимов вызывают дискуссии в науке. Вариантов локализации этих рек достаточно. Например, под Тифесасом можно понимать и Тиссу, и Днестр. Словом, путешествовали послы на большие расстояния, не дававшие, впрочем, даже примерных представлений о масштабах обширной Гуннской державы.

Итак, ромеям салютовали клубы пыли, дожди из речных брызг. А судьба милостиво дарила их взорам и талантам несколько увлекательных встреч. Одной из них была встреча с вдовой брата Аттилы Бледы. Поскольку путешественники попали однажды в настоящую бурю, а воля ветра и небес оставила их без шатров, вдова Бледы преподнесла им весь ассортимент восточного гостеприимства. Тут вам и кров в её деревне, и яства, и красивые женщины «для компании согласно скифскому обычаю почёта». Ромеи не обидели свои желудки, но явно обидели девиц – «от общения с ними отказались и провели ночь в хижинах», как признаётся сам Приск. А когда, вместе с ночью и бурей прошёл и этот приступ их осторожности, Приск и Максимин обществу нескольких женщин предпочли общество одной. «Мы пришли к царице, приветствовали её и предложили ответные дары, именно три серебряные чаши, красные кожи, индийский перец, финики и другие лакомства, которые дорого ценятся, потому что не встречаются у варваров». Такой была плата за гостеприимство и безопасность.

Свой путь послы мостили подарками! Вместе со словами, подобными фимиаму, они всюду щедро рассыпали дары. Это даёт нам определённое представление о наборе качеств, которыми должен был обладать дипломат того времени. С риторикой он гармонично соединял и свои познания в психологии и математике. Кому – сколько? Вопрос не праздный, особенно когда на кону престиж государства и собственная жизнь.

Ночные гости и вдова Бледы не были последними красавицами, достойными пера и описания Приска. Усладу самолюбию и взору Приска преподнесла и жена самого Аттилы Крека. Вот как описывает ромей встречу с ней в лагере Аттилы, куда послы добирались в течение недели: «Стоявшими у двери варварами я был впущен к жившей здесь жене Аттилы и застал ее лежащей на мягком ложе; пол был покрыт войлочными коврами, по которым ходили.

Царицу окружало множество слуг; служанки, сидевшие против нее на полу, вышивали разноцветные узоры на тканях, которые накидывались для украшения сверх варварских одежд. Приблизившись к царице и после приветствия передав ей дары, я вышел и отправился к другим строениям, в которых жил сам Аттила, чтобы подождать, когда выйдет Онигисий: он уже вышел из своего дома и находился у Аттилы».

Дело в том, что в интервале между встречами с вдовой Бледы и женой Аттилы ромейские послы стали участниками и других встреч. Например, с посланниками Западной Римской империи и с уже упомянутым Онигисием. Онигисий уже вернулся из поездки к сломавшему руку Элаку, рассказал об этом Аттиле и оказал западным и восточным римлянам гостеприимство – предложил на время остановиться в своём доме. Но долго злоупотреблять этим гостеприимством ни те, ни другие не стали. Потому поставили вблизи дворца Аттилы свой шатёр.

Напомним ещё раз: Онигисий – второй человек в империи гуннов после Аттилы. А «короля делает свита». Всегда или почти всегда. Поэтому Максимин и Приск решили – к Онигисию отправится именно Приск. Чтобы заговорить и задобрить.

И Приск задобрил и заговорил. Вручил подарки от императора. Вот как описывает это он сам: «Я подошёл к нему и сказал: «Римский посланник приветствует тебя; я несу к тебе от него подарки вместе с золотом, присланным от царя. Посланник имеет нужду с тобою говорить, и желает знать, где и когда ты хочешь траковать с ним».

Подарков было много! И явно больше, чем слов, приличествующих случаю. Сомневаться не приходилось – Онигисий сам придёт к ромеям в шатёр. Так и случилось: второй человек империи быстро сдержал обеща-

ние, данное Приску. Он вошёл, поблагодарил за дары и спросил, чего ждут от него посланцы Константинополя.

А чего ждали те? Того же, что и Феодосий и весь его народ. Мира! Поэтому Максимин и пригласил Онигисия в Константинополь к императору, чтобы разрешить там все недоразумения. Но то ли в речах Максимиана звучал какой-то подозрительный намёк, то ли Онигисию всюду мерещился подкуп и предательство, гунн тотчас озвучил свои мысли и заявил: он верен Аттиле, равнодушен к богатствам ромейского императора, а помочь двум народам жить в мире ему будет легче, находясь здесь, а не в Константинополе. «После этих слов, – пишет Приск, – Онигисий удалился, сказав мне, что я мог приходить к нему и говорить с ним о том, чего мы от него желаем, ибо не было прилично, чтобы часто приходил к нему сам Максимин, облечённый в такое звание».

Приск Панийский исполнил волю гунна. Он пришёл к нему после аудиенции у жены Аттилы Креки. В ожидании хозяина дома он наговорился с послами Западной империи, которые тоже ждали встречи с Онигисием. От них Прииск узнал, что Аттила вынашивает намерение напасть на Иран! Это казалось римлянам вершиной самонадеянности возгордившегося варвара.

Онигисий вернулся с заседания королевского совета и попросил Приска узнать у Максимиана, кого Константинополь может направить к Аттиле в качестве послов. Ответ Максимиана, переданный через Приска, но подготовленный с участием последнего, звучал так: «Римляне желают, чтобы он сам приехал к царю для переговоров о недоумениях, но если желание их не исполнится, то царь назначит к Аттиле посланником, кого сам захочет».

Кандидатуры послов Константинополя Онигисий обсуждал уже с Максимином тет-а-тет.

А потом был пир, на который Аттила пригласил ромейских послов. Пир был кульминацией дипломатических раутов, и если посланников приглашали на него, значит, их миссия не была напрасной. Делить стол и застольное общение значило закладывать основы для будущих контактов. Аттила не рвал эти контакты, а продолжал их. Не гнал ромейских послов, а угощал их дарами царского стола и приступами своей проницательности. При этом гуннский вождь явно был далёк от тяги к роскоши – в описании Приска преобладает описание его тяги не к роскоши, а к простоте.

Пир продолжался с девяти вечера и затянулся на всю ночь, но Приск и Максимин, после того как соблюли все посольские приличия, покинули дворец, «не желая долее бражничать», то есть терять человеческий облик, растворяя сознание в винных парах.

А на следующий снова был пир. И даже два – сначала ромеев пригласила жена Аттилы Крека, а затем и сам король! Сотрапезничество удалось – Аттила вёл себя с ромеями благосклонно и, как написал об этом Приск, «по прошествии трёх дней мы были отпущены Аттилой, который почтил нас приличными подарками».

Да, Аттила проявил гостеприимство. Взял ромеев за душу, а мог взять за горло! Или перерезать его. Ведь заговорщики на его жизнь ещё не были до конца изобличены. Вигила только держал путь на Константинополь и денег, дезавуировавших его, пока не привёз.

Что могло быть по-другому, Приск и Максимин убедились во время обратного путешествия домой. Их взорам явилась исполненная ужасов картина: в одной из деревень как раз готовилась казнь. Там по приказу Аттилы собирались сажать на кол пойманного лазутчика, собиравшего разведывательную информацию о гуннах. А ведь подобный сеанс проктологии, возможно, ожидал бы и их самих, если бы не настойчивость Приска, наверняка развеявшая последние сомнения Аттилы в невинности ромейских посланников. Приск своей волей и находчивостью не дал дипломатической миссии провалиться. И кто знает, в какую сторону направил бы оскорблённый заговором Феодосия Аттила свои орды, если бы не искусство дипломатического общения Приска Панийского, доказавшего – ромеи бывают разные. Бессмысленно сражаться против всего мира! И даже такому воителю как Аттила лучше иметь в Константинополе союзников, а не врагов.

Так выполнил просьбу Максимиана и свой долг Приск Панийский. И. А. Мусский считает, например, будто «он стремится убедить читателя, что именно он, Приск, своим умом и находчивостью спас дело греков и смягчил сердце грозного варвара». Однако текст Приска вовсе не исполнен откровенного самовосхваления, хотя авторское тщеславие не чуждо никому.

Ну а что же случилось с Вигилой? Его Приск и Максимин встретили в пути и даже успели найти время для разговоров. Однако дальше их пути разошлись в разные стороны и теперь уже – во всех смыслах этого слова. Пути-дороги ромейских посланников вели их в Константинополь к милостям, почестям, доверию. А Вигилу – к царскому гневу Аттилы и равнодушным к его отчаянию цепям.

Вигилу взяли с поличным – огромной суммой золотых монет, которые после указа Аттилы он лично на себя не мог потратить в пути. Он вёз их Эдекону, не зная, что тот обо всём уже рассказал своему правителю. Допрашивал изменника сам Аттила. Грозно и шумно. Вигила юлил, пытался объяснить, что деньги в таком количестве рассчитывал тратить в пути

исключительно для своих нужд и выкупа пленников. Однако признался во всём, когда Атилла приказал привести сына Вигилы и зарубить парня на глазах отца. Атилла не услышал в этой слёзной исповеди главного – имён Приска Панийского и Максимиана. Вигила подтвердил то, что гуннский король уже знал от Эдекона – ромейские посланники невиновны. И чисты – и перед его державой, и перед своей страной.

Вигиллу не казнили. Его держали в цепях. Семья должна была заплатить за него выкуп, вдвое превосходящей сумму, с которой его и взяли.

А у византийцев были все основания для радости. Миссия Приска и Марцеллина прозвонила не сорвать, а продолжить переговоры Атиллы и константинопольского двора. В том же 449 году византийские послы Анатолий и Ном довели до конца дело, начатое их находчивым предшественником. Без всякой войны они получили от Атиллы согласие на возвращение Византии придунайских земель. Был урегулирован и вопрос о перебежчиках, так раздражавший гуннского правителя.

Что миссия Максимиана-Приска удалась, свидетельствует и стратегический замысел самого Атиллы. Всего два года спустя после этой миссии не земли Греции, а земли Галлии съёжились и содрогнулись от копыт сотен тысяч лошадей гуннских полчищ. Западная, а не Восточная империя влекла к себе эти орды. Копьями и стрелами, осадными орудиями и клинками гунны красноречиво доказывали западным римлянам просчёты их дипломатии. И даже поражение Атиллы от войск Аэция и его германских федератов на Каталаунских полях должно было лишь отложить покорение Атилой Западной империи.

Дни этой империи продлили, как известно, легионы, а не дипломаты. А легионам помогла игра случая – готовя решающее вторжение в Италию в 453 году, Атилла взял в свой гарем новую жену – бургундскую принцессу Ильдико (Хильду). Злые языки говорят: красивая женщина – это рай для глаз и ад для души! На этот раз всё было именно так: горящий страстью взор Атиллы, одинаково ненасытного и в покорении прекрасного пола и в покорении новых земель, потом свадьба, пир, брачное ложе с красавицей-бургундкой, а наутро – его остывший труп!

Историки до сих пор не знают точно, умер ли он от яда, кинжала, физических наслаждений молодой жены или захлебнулся в блевотине или крови, которые пошли горлом или носом, когда он лежал на спине. Иордан в своей «Гетике» так пересказал описание Приска: «Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжелённый вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своём обычном ходе и, изливаясь посмертоносному пути через горло, задушила его».

Правда, эта смерть разрушителя Запада лишь отсрочила, но не отменила гибель Западной Римской империи.

«Гуси Рим спасли!» – свидетельствует римская легенда. Но это случилось задолго до описываемых событий. Где была эта пернатая «армия спасения» в Пятом веке? Дремала вместе с римскими дипломатами? Разводила в бессилии крыльями, как дипломаты Рима – руками? А, может, на свадебном столе Аттилы всё-таки было жареное гусиное мясо, переполнившее желудок короля и опрокинувшее его вместе со страстью жены на лопатки?!...

Говоря о дипломатических способностях, которые показал Приск, но не показали римляне, нельзя не усомниться, что всё описанное им – правда! Голая как Ильдико на брачном ложе или как меч Аттилы в бою. Дипломат, который что-то не утаил от пергамента и истории – слишком наивный дипломат. Потому эта известная история, пересказанная в рамках данного доклада, таит в себе немало вопросительных знаков и многоточий. Многое осталось «за кадром». Нет полной ясности в вопросе о том, какую официальную роль играл Приск в этом посольстве к Аттиле. Во всём ли был искренним с Приском Максимин и всё ли рассказывал сам Приск Максимино? Возможно и даже очень, что уже во время самой поездки Приск мог догадаться о заговоре или, по крайней мере, зная нрав своих коронованных земляков, мог что-то такое предположить. Вряд ли в этом случае именно он озвучил свои предположения в разговорах со Скоттой и другими сановниками Аттилы, но настоящая степень его проницательности в данном вопросе остаётся для нас тайной.

Ф. И. Успенский в своей знаменитой «Истории Византийской империи» считал, что заговор на жизнь Аттилы и официальная цель посланников Константинополя поставили посольство Максимиана и Приска Панийского «в чрезвычайно затруднительное положение». Повторим его мысль ещё раз: «*в чрезвычайно*»! Нет сомнения, что затруднительные положения Приск испытывал всякий раз, когда отправлялся в свои дипломатические вояжи. Но опасностей, подобных его гуннской миссии, он точно не испытывал никогда. Он несколько раз, служа своей стране, рвал крепкие цепи больших расстояний. Он рисковал, как рисковал и рискует всякий дипломат. Однако история с поездкой в стан Аттилы свидетельствует о том, что необычного и привычного в этом вояже почти поровну, а яркая личность в истории дипломатии может помочь и обречённой стране. По крайней мере, до тех пор, пока ясный ум и твёрдая воля несут дипломата туда, где таланты позволяют излиться его многословию и красноречию, а не его крови.

ЛІТЕРАТУРА

- Августин Аврелий.* О Граде Божьем. М., 2009.
- Александренко В. Н.* Международное право Рима // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 1999. 1(4). С. 206–218.
- Аммиан Марцеллин.* Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни; ред., предисл. и комм. Л. Ю. Лукомского. 3-е изд. СПб., 2000.
- Армстронг А. Х.* Истоки христианского богословия. Введение в античную философию. СПб., 2006.
- Благовещенский Г.* Атила. Бич Божий. Могильщик Рима. М., 2011.
- Бувье-Ажан М.* Атила. Бич Божий / Переводчик М. Глаголева. М., 2003.
- Буданова В. П.* Варварский мир эпохи великого переселения народов / В. П. Буданова. М., 2000.
- Войтович Л., Домановський А., Козак Н., Лильо І., Мельник М., Сорочан С., Файда О.* Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. Львів, 2011.
- Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. СПб., 1997. Ч. 1.
- Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.
- Грант М.* Крушение Римской империи. М., 1998.
- Грант М.* Римские императоры. М., 1998.
- Дашков С. Б.* Императоры Византии. М., 1997.
- Джонс А. Х. М.* Гибель античного мира. Ростов н/Д, 1997.
- Диль Ш.* История Византийской империи. М., 1948.
- Денисенко В. В.* Феціальне право у Стародавньому Римі // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Юриспруденція. 2017. № 28. С. 4–7.
- Домановский А. Н.* Загадки истории. Византия. Харьков, 2016.
- Зінченко А. Л.* Історія дипломатії: від давнини до Нового часу. К., 2005.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
- Історія міжнародних відносин (від Стародавнього світу до початку XX ст.): Навч. посіб. / Я. Б. Турчин, Р. Б. Демчишак, Т. І. Плазова. Львів, 2013.*
- Козлов А. С.* «Византийская история» Приска Панийского как памятник классического исторического нарратива // Документ. Архив. История. Современность. 2015. С. 152–166.
- Кулаковский Ю. А.* История Византии. СПб., 1996. Т. 1: 395–518 годы.
- Межгосударственные отношения и дипломатия в античности / Колл. монография.* Казань, 2000.
- Мусский И. А.* Сто великих дипломатов. М., 2001.
- Нечаева Е. Н.* О посольствах и политическом общении на позднеантичном Западе // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2005. С. 497–506.
- Пикин А. В.* Политические миссии церковных деятелей в системе посольского взаимодействия конца IV – первой четверти VI века: Дисс... канд. ист. наук. Иваново, 2016.

- [Приск Панийский]. Сказания Приска Панийского / Перевод С. Дестуниса, вступительная статья, комментарий Дестуниса Г. С. // Учёные записки 2-го Отделения Импер. Академии наук. СПб., 1861. Кн. 7. Вып. 1. С. 1–112.
- Приск Панийский. Готская история / Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1948. № 4. С. 244–267.
- Приск Панийский. Готская история. [Электронный ресурс]: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frametext.htm>
- Потёмкин В. П. История дипломатии. М., 2015. Т. 1. С древнейших времён до Нового времени.
- Сорочан С. Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры: Учебное пособие. Харьков, 2011.
- Томпсон Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной Римской империи. СПб., 2003.
- Удальцова З. В. Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского // ВВ. 1972. Т. 58.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи: в 8 т. М., 2018. Т. 1.
- Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакta. Приск Панийский. Сказания / Изд. подг. А. И. Цепковым. Рязань, 2005.